

1. Никита. 2009 г.

Тот, кто придумал этот мир, придумал и цвет крови. Кровь яркая, красная, один ее вид — как сигнал опасности, что смерть где-то близко, что надо что-то предпринимать. В случае, если живое существо, теряющее кровь, еще дышит, надо его спасать, если же мертво — искать виновного в его смерти.

Человек, которого заворачивали в белое шелковое покрывало, был явно мертв, и кровь прямо на глазах пропитывала слои шелка, делая этот сверток с мертвецом внутри похожим на окровавленный кокон.

Кого убили? Кого зарезали? Именно зарезали, потому что крови слишком много, да и выстрела не было слышно.

Весь дом еще спал, в каждой комнате по человеку, в хозяйской спальне крепко спала, обнявшись, сложившаяся случайно с вечера, не без помощи алкоголя, парочка. Июньский утренний воздух, пробравшись в комнату сквозь занавески, медленно остужал их обнаженные красивые тела.

Никита с бьющимся сердцем выбежал в сад, спрятался за кустами сирени, чтобы досмотреть до конца это страшное и одновременно завораживающее действие: молодой парень, прежде считавшийся его другом, выволакивает из дома труп.

Проснувшись раньше всех (но не раньше убийцы), Никита обошел весь дом, пытаясь найти кого-то, с кем бы он мог разделить это тяжелое похмельное утро, но все спали. Или не все?

Никита принялся загибать пальцы, вспоминая всех тех, с кем он так весело провел вечер и половину ночи.

Саша, Егор, Вадим, Галя, Таня, Андрей с Алисой, сам Никита и Федор. Всего девять человек. Если не считать проснувшихся Никиту и Федора, остальные семеро спали. Андрей с Алисой в спальне, остальные пять человек разбрелись по дому и заснули кто где. И все — живы. Все, с кем они сидели за столом на террасе дачи, ели шашлык и пили — живы, живы... Он сам обошел дом и проверил! Все дышат!

Не было ни конфликтов, ни разборок, ни тяжелых разговоров, ничего такого, что могло бы закончиться убийством!

Но тогда кто тот человек, окровавленное тело которого Федор заворачивал в покрывало? Он не из их компании. Откуда же он взялся? Когда?

Все много выпили, но и закуска была отменная — шашлыка было столько, что хватило бы на три такие компании! Ароматное, мягкое, хорошо прожаренное на углях мясо, помидоры, лук! Да под такую закуску никто и не должен был так опьянеть...

Никита проснулся и обнаружил себя в маленькой комнате, которую Андрей Арнаутов, родителям которого и принадлежала дача, называл комнатой для прислуги. Удобная кровать, шкаф, два стула и туалетный столик. Окно выходит в сад. За прозрачными занавесками покачиваются ветки вишне-

вых деревьев с мелкими незрелыми зелеными плодами-бусинами.

Через стенку — ванная комната, где Никита умылся холодной водой, чтобы прийти немного в себя. Хотелось пить.

Он заглянул в кухню, залитую утренним солнцем, на большом столе были разложены овощи, грязная посуда, но, несмотря на беспорядок, все равно все выглядело как-то весело, ярко и даже красиво — от солнца, от зелени...

Никита представил себе, как он сейчас примется готовить завтрак, как найдет в холодильнике все необходимое, как приготовит тесто и начнет печь блины. Все проснутся от запаха, соберутся на кухне, все такие родные, правда, с помятыми лицами и припухшими глазами, и улыбнутся ему, Никите, а Андрей скажет:

— Ну, ты, брат, молоток! Красава!!!

Но ни молока, ни яиц обнаружить не удалось, и тогда Никита стал искать Андрея, чтобы спросить, где здесь в деревне магазин или у кого можно купить продукты. Вот так он и оказался перед дверью, ведущей на террасу. Он не успел коснуться ручки, его взгляд скользнул по застекленной стене террасы, занавешенной тюлевой занавеской, и заметил красные пятна... Приблизился и увидел то, что явно не предназначалось для его глаз: Федор упаковывал чей-то труп в покрывало...

Он проследил за ним до самой реки, до обрывистого берега, откуда на песок, на площадку, расположенную высоко над уровнем воды, он и сбросил свою страшную ношу.

Никита, прячась за елями, видел лицо своего друга Федора — оно было белым, словно тоже мертвым. Неси он другую ношу, Никита бы, не раздумывая, бросился другу на помощь. Но за какие-то минуты Федор успел стать другим человеком, оборотнем, и между ними выросла невидимая стена, отделившая прошлое обоих от будущего.

Федор — убийца.

Еще вчера Федор был закадычным школьным товарищем, другом, с ним вместе столько пережито, и что теперь? Броситься к нему на помощь, предложить сбегать за лопатой, чтобы закопать труп? Расспросить его, кто этот человек и за что он его убил?

А может, все это лишь сон?

Никита ущипнул себя за руку. Нет, вон и Федор возвращается с лопатой. И этот стук металла о землю, присыпанную песком, — реальность.

Надо было возвращаться в дом, ко всем тем, кто безмятежно спал и ничего не знал. Какое же это счастье — ничего не знать.

Тогда и он будет себя вести так, словно он ничего не знает. Будет таким же, как и все. Вот единственно правильное решение.

Надо вернуться в дом, лечь, как будто он и не вставал, и дожидаться остальных.

Никита вернулся в комнату для прислуги, зарылся с головой под одеяло, но сна, понятное дело, не было. Голова болела, он пытался вспомнить события прошедшей ночи. Вино, виски, потом водка... Помнится, они танцевали, бултыхались в малень-

ком пластиковом бассейне, который мама Андрея, Нина Александровна, покупала для себя, любимой, и уж никак не представляла, что туда заберется одновременно столько народу! Но было весело, все были мокрые, хохотали, шутили...

Когда же в их веселье пробрался чужак? Тот, кто вынудил Федора убить его?!

Федор и убийство — это невозможно! Спокойный, рассудительный «ботаник», юморист, отличный парень, верный друг. Конечно, если нужно, он сможет постоять за себя, может и морду набить, Никита сам видел, как он разбирался с двумя парнями за школой, это было два года тому назад. Словом, пацан что надо! В школе, среди старшеклассников, его уважали, знали, что если какой конфликт, то за справедливостью нужно идти к Федору Морозову.

Учителя обращались к нему, когда надо было организовать класс, как-то повлиять на ребят, добиться правильной реакции на события.

Предки Федора — правильные, семья — как крепость. И вдруг это убийство!

Да и пил Федор не так уж и много, хотя был весел, много шутил, рассказывал анекдоты так, что все вокруг просто покатывались. Алиса еще сказала, что от такого смеха можно сломать челюсть!

Андрей, Алиса, Таня, Галя и Егор — все студенты университета в городе Калина, все местные, как и Саша, Вадим, Никита и Федор.

Компания сложилась еще в прошлом году, Андрей, как и в этот раз, пригласил всех к себе на дачу. Может, конечно, для семьи Арнаутовых это и счита-

лось дачей, однако это был настоящий добротный дом на окраине города, в районе Абрамово. Девчонки отпускали из дома спокойно, знали, что у Арнаутовых они будут в безопасности. Отпускали с ночевкой, иногда даже на два дня!

Алиса сначала была с Федором, они два года встречались, потом, поговаривали, у нее появился солидный любовник, какой-то чиновник из администрации города, и вдруг она появилась в Абрамово одна, красивая, сияющая, в прозрачном открытом платье, вот, мол, я снова с вами! Пила в меру, зато много танцевала, ею любовались и парни, и девчонки, уж слишком была хороша. И никто не удивился, что спать она пошла с Андреем, хозяином дома.

Если бы Федор (не дай бог, конечно) пырнул ножом Андрея, даже это еще можно было бы как-то объяснить — ревность. Но Андрей, к счастью, жив-здоров!

Так кто же был там, в этом красно-белом жутком коконе? Кто?

Никита ворочался в постели еще какое-то время, потом не выдержал, снова прилепился к окну террасы, посмотреть, где Федор, вернулся ли. И увидел, как тот, стоя на коленях рядом с кроватью, замывает плиточные полы от крови. От крови. Потому что вода в белом пластиковом ведре стала розовой.

Он тер тряпкой энергично, почти истерично, то и дело оглядываясь, боясь, что его могут увидеть. И когда он, последний раз протерев фрагмент пола, бросился к входной двери чтобы выплеснуть воду в траву возле крыльца, Никита испытал от-

чего-то сильнейшее волнение, ведь это был Федор, его лучший друг Федор, и этот труп мог быть результатом несчастного случая! Федор влип в какую-то историю, ему наверняка нужна помощь, а он, Никита, вместо того, чтобы как-то помочь ему, хотя бы сказать, что он в курсе, и что если требуется алиби или еще что, то он готов сделать для друга все, уже успел увидеть в нем убийцу и даже презирать.

Он видел, как Федор моет ведро, полощет тряпку под мощной струей воды в мраморной чаше прямо под окнами террасы.

Когда же он проснулся? Кто его разбудил, что он проснулся так рано, успел вляпаться по самое горло в криминальную историю, избавиться от трупа и даже закопать его в песке, под обрывом, а потом еще вернуться в дом и вымыть полы?!

Сколько же сил душевных и физических он потратил, а ведь еще только шесть часов утра!!!

Внезапно он услышал голоса. Воображение нарисовало полицейских, заламывающих руки Федору и заталкивающих его в машину..

Однако, выглянув на улицу, вернее, вывалившись на крыльцо с видом человека, который только что поднялся с постели, да еще и с похмелья, он увидел за калиткой женщину, протягивающую Федору банку с молоком.

— Федор, а яйца у нее есть? — окликнул друга Никита. — Может, продает?

Федор спросил у женщины, и та в ответ открыла

корзинку и достала пакет с яйцами. Никита видел, как Федор расплатился с ней, поблагодарил. Потом медленно повернул голову в его сторону.

— Встал? — спросил он, и Никита заметил, как плохо выглядит Федор — почерневшие круги под глазами, опущенные уголки губ. Трудно было представить, что Федор, рассказывающий накануне вечером анекдоты, сыплющий шутками, весельчак, душа общества, и этот парень с серым безжизненным лицом, прижимающий к груди банку с молоком, — один и тот же человек.

— Да вот... Проснулся... Все еще спят. Это здорово, что есть молоко и яйца. Ты умеешь печь блины?

— Не знаю...

— Да уж, видок у тебя тот еще! — Никита пытался вести себя так, как обычно в такой ситуации. — Желудок?

— Да, вывернуло всего... наизнанку..

— Ну, ничего! Сейчас заварю чаю, целый чайник! Как ты думаешь, положить туда смородинового листа, так моя мать делает?

— Положи, — пожал плечами Федор, поднялся на крыльцо, отнес продукты на кухню. — Слушай, Никита, что-то мне херово... Я поеду домой... Ты как, со мной?

— Не, я буду блины печь, — смалодушничал Никита, решив, что для собственной безопасности лучше находиться подальше от Федора. — А ты поезжай... Вон, весь зеленый!

Федор быстро собрался, подошел к Никите, пожал ему руку:

— Ладно, брат, я поехал!

— Выздоровливай!

Никита стоял на крыльце и смотрел, как Федор идет по дороге в сторону железнодорожной насыпи. И хотя было раннее утро, по дорожке, проложенной через небольшой низкорослый лесок, уже тянулись к остановке дачники и жители окраины Абрамово.

Никита дождался, когда Федор скроется в лесу, бросился на террасу, туда, где еще влажно блестели плитки пола, и зачем-то перекрестился. Глубоко вздохнул, как бы перелистывая страницу утра, вернулся на кухню и принялся замешивать тесто для блинов.

2. Маша. 2014 г.

В тот день Маша знала, что такое абсолютное счастье. Она сама себя ощущала, как человек, которому посчастливилось найти клад, настоящий, с золотыми слитками и бриллиантами, и все эти сокровища можно было потрогать руками, полюбоваться блеском драгоценностей, зная, что на этот раз это не один из детских снов, а реальность. И дело было, конечно, не в богатстве, а в завораживающем чувстве обладания. Она безраздельно владела не кладом, конечно, не золотыми слитками, а настоящим мужчиной. Она знала, чувствовала, что он принадлежит только ей, и никогда, с тех самых пор, как они познакомились, она не сомневалась в этом. Федор — самый надежный мужчина на всем белом свете. Красивый, очень умный, добрейшая душа, лапочка, сама нежность! Она любила Федора так, что думала о нем постоянно. Что бы ни делала, где бы ни была,

перед глазами стоял он, высокий брюнет с темными глазами и кроткой улыбкой.

И с ним можно было делать все, что захочется: целовать, играть с его блестящими густыми волосами, пощипывать его щеки, покусывать его плечи, сидеть у него на коленях, кормить его с ложки, тереть ему спину намыленной мочалкой, раздевать и одевать его... Они принадлежали друг другу, им было хорошо друг с другом, они приняли решение жить вместе, и ни одна сила в мире не могла бы разрушить их планы и мечты.

— Вы очень красивая в этом платье! — воскликнула, как показалось Маше, вполне искренне продавщица свадебного салона. — Как же преображают эти свадебные наряды женщин...

Худенькая некрасивая девушка крутилась вокруг Маши, поправляя складки воздушного белого платья, и Маша представила себе, как та после закрытия магазина, оставшись одна, наедине со своим одиночеством и, быть может, отчаянием, меряет все платья подряд, кружась перед зеркалом и мечтая о замужестве, о собственной свадьбе. Хотя, кто знает, может у этой девушки есть семья, дети...

— Да, пожалуй, на этом платье и остановлюсь, — сказала Маша. В отличие от своих подруг, в свое время так же готовившихся к свадьбе, она занималась поиском свадебного платья одна, хотела выбрать то, что нравится только ей. Имея самое смутное представление о том, как сложится ее дальнейшая жизнь, и большое ли место муж займет в ней, как будет влиять на нее, она решила хотя бы в вы-

боре платья оставаться свободной, самостоятельной и не зависимой ни от чьего мнения. Даже мамы, не говоря уже о подругах. — Это платье, вы не поверите, уже тринадцатое, что я перемерила! И я его беру! Упакуйте, пожалуйста!

Выйдя из салона с большой коробкой в руках, Маша решила перевести дух, села за столик в летнем кафе, заказала сок. Город уже проснулся, открывались магазины, мальчик с щеткой и ведром мыл витрины, из кондитерской долетал аромат свежесдобытых бисквитов, в кафе пахло молотым кофе, в подворотне, в темной арке, сидела на ящике из-под бананов смуглая нищенка в теплой вязаной кофте, ела булочку и запивала кофе из пластикового стаканчика, которыми ее угостил кто-то из сердобольных продавщиц близлежащего продуктового магазина.

Это удивительно, думала Маша, что салон открывается так рано, в восемь часов. Платье-то она выбрала еще вчера, продавщица сказала ей, что надо бы его поскорее выкупить, потому что еще две невесты положили на него глаз...

Мысли были ленивыми и одновременно какими-то тревожными. Платье куплено, кольца — тоже. В квартире, которую купил Федор, уже сделан ремонт, осталось только привезти мебель. Жизнь стремительно несется вперед, не оставляя возможности уже что-то изменить или хотя бы приостановить. Брак — дело решенное, и приготовления к свадьбе практически закончены: заказан ресторан, разосланы открытки, сделаны необходимые покупки.

У Маши была своя маленькая квартирка, в которой она жила одна и первое время очень дорожила своей свободой. Сейчас же ей предстоит переехать в новое жилье, варить кофе в новой кухне, спать в новой кровати и жить с человеком, который сделает новой ее жизнь.

Она сильно волновалась. И это при том, что знала Федора почти всю жизнь, часто ночевала в его холостяцкой квартире, готовила ему завтраки и иногда ужины, смотрела с ним футбол... Но как жить вдвоем? Что ее ждет?

— Маша? Зими́на?

Она вздрогнула. Женский голос заставил ее обернуться. Девушка в белом брючном костюме стояла напротив солнца, и лица ее поначалу было не разглядеть.

— Маша, это же я, Галя!

Галка Курочкина! Вот это сюрприз! Школьная подруга, хороший жизнерадостный человек!

— Галка, как я рада! — Подруги обнялись. — Садись! Ты откуда?

— Из Калины. Это ты перебралась сюда, а я осталась там, работаю врачом в районной больнице. Вышла замуж...

— За Никиту?

— Да, и нисколько, между прочим, не жалею!

— Он хороший парень, я его отлично помню! Детки есть?

— Нет пока еще, но мы над этим работаем!

— Очень хорошо выглядишь!

— Ты тоже!

Маша смотрела на Галку и вспоминала ее девичьи разговоры о будущем. Мечтала окончить медицинский в Калине, но работать хотела в Москве: столица, заработки, другая жизнь. Это была ее цель. Видимо, роман с Никитой, любовь, а потом и замужество повлияли на нее, заставили отказаться от своей мечты, и вот она осталась в провинциальном городке Калина, работает там и вполне счастлива. Хотя, она может и лукавить. Галка не такая уж и простая, с двойным дном, всегда себе на уме. С лица ее никогда не сходит улыбка, она словно приклеилась к ней намертво. Даже когда она злится, у нее на лице улыбка, немного змеиная, страшноватая, но все равно улыбка.

— Значит, в Москву не поехала? — понимала, что не надо спрашивать, и так понятно, но все равно зачем-то спросила.

— Какие наши годы?! Еще поедem. Вместе с Никитой.

— А он чем занимается?

— В администрации работает, хорошую должность занимает, — напустила туману Галка.

Она была хороша собой, яркая брюнеточка с матовой кожей и ярко-синими глазами. Никто не верил в свое время, что у нее не синие линзы, а свои, похожие на драгоценные камни, глаза.

— Кого-нибудь из наших видишь? — спросила Маша скорее из вежливости, чтобы показать свою пока еще неразорванную связь с прошлым, с друзьями детства, с городом Калина. На самом деле все связи с друзьями, за исключением Федора, конечно, были потеряны, о чем она несколько не жа-

лела. Жизнь несла ее вперед, не давая возможности опомниться, не то что оглянуться. Какие-то новые события, работа в адвокатуре, множество уголовных и гражданских дел, клиенты, суды, документы, а теперь еще и свадьба!

— Танюха Убейконева со мной работает, в педиатрии. Вадим Дорошев метит на прокурора. Егорка Князев, представляешь, выучился на повара, сейчас в Москве работает в каком-то дорогом ресторане, у меня визитка есть, если поедешь...

— А Андрей? Он с Алисой?

— Да. Они поженились, Алиса открыла художественный салон, скупает картины местных художников, занимается благотворительностью, кормит их, представляешь?! Договорилась с подругой, у которой свое кафе, чтобы по пятницам та предоставляла его голодным художникам, скульпторам, кажется, туда ходят и музыканты, а иногда приглашает всех к себе на дачу... — щебетала Галя. — Знаешь, эти художники, такие потрепанные жизнью люди, но интересные, талантливые, хотя и неудачники или просто спившийся народ... Она кормит их супом, жареной картошкой с котлетами, говорит, что отбивные они есть не могут, у них нет зубов...

— А с чего бы это ей заниматься этими людьми? Какой толк?

— Говорили, что ее родной отец был художником, знаешь, этаким непризнанным гением, он, кажется, повесился в своей мастерской... Думаю, отсюда такой интерес к художникам.

— Молодец Алиса, что я могу еще сказать! Вместо того чтобы деньги на тряпки тратить...

— Денег у них полно, — перебила ее Галка, про-

должая свою мысль. — Папаша же пристроил Андрея в свою фирму..

— Вот я и говорю, что вместо того, чтобы тратить деньги на себя, она занимается таким благородным делом. Я бы на ее месте попробовала бы организовать выставки, чтобы они могли реально заработать для себя деньги.

— Так вот она в своем салоне их и выставляет!

— Здорово! И как она выглядит? Не растолстела?

— Нет, такая же стройная, — поджала губы Галка. — И красивая. Они вообще хорошая пара. Видные такие, яркие!

— Понятно...

— Да, чуть не забыла, еще Сашок Горностаев. В деревню уехал. Квартиру продал и вложился в сельское хозяйство. У него бычки.

— Сашка?! Надо же! Он же на филологическом учился... Что ж, все устроились, я рада. За пять лет столько произошло перемен.

— А у тебя как дела?

— Нормально, замуж вот выхожу...

Галка, однако, пропустив эту важную для каждой нормальной девушки информацию мимо ушей и словно боясь потерять мысль (хотя, скорее всего, даже и не услышав Машу), вдруг сказала:

— Да! Вспомнила! Помнишь Федора Морозова? Такой красивый парень, мы все были в него влюблены...

Кровь бросилась в лицо Маше. Она даже дышать перестала. Интересно, о нем-то чего можно сказать? Федор уехал из Калины ровно пять лет тому назад, в Питер, к брату..

— Вот так живешь рядом с человеком, — Галка перешла на доверительный шепот и даже склонила голову поближе к Маше, — разговариваешь с ним, бываешь с ним в одной компании, слушаешь его анекдоты, смеешься и не знаешь, что он — убийца!

— Что-о? Кто, Федор?

— Говорю же: Федор Морозов! Не могу тебе рассказать, откуда мне обо всем этом известно, но факт достоверный, из первоисточника, так сказать.

— Федор — убийца? Ты ничего не путаешь? Тот самый Федор... Морозов? Друг твоего Никиты?

— Ну да!

— И кого же он убил?

— Забил насмерть одного подростка!!!

— Не может быть! Он же, кажется, давно уехал из Калины.

— Он потому так спешно и уехал. Убил и исчез.

— Что за подросток? — Маша почувствовала приближающуюся дурноту. Даже ее кожа отреагировала на услышанное, покрылась мурашками.

— Какой-то Коля Решетов.

— Кто он такой? Откуда?

— Ничего о нем не известно. Только то, что Федор убил его. И сбежал.

— Но если кому-то стало известно об этом, то почему его тогда не... посадили? — Этот вопрос дался ей с трудом. Ей показалось даже, что у нее волосы зашевелились на голове, она непроизвольно пригладила их ладонью.

— Говорю же, он сбежал! Чего ему бояться, если у него отец в прокуратуре работает?

— Постой... Забил... насмерть? Но ведь это же Федор! Мы же все его хорошо знаем. Это какая-то ошибка!!!

— Послушай, Маша, давай забудем все это... Как ты понимаешь, информация эта как бы секретная, официальные органы об этом ничего не знают, так что забудь, и все! Мы не знаем, при каких обстоятельствах это произошло, может, этот Коля Решетов сделал что-то такое...

— Ты же говоришь — забил до смерти!

— Ну, может, зарезал. Я точно не знаю...

— Что-о?!

— Уф, и зачем я тебе только об этом сказала?

— И где сейчас... Федор?

— Да в Питере и живет, у брата. Никита сказал, что он окончил там ветеринарную академию или что-то в этом духе. Он же с детства любил возиться с животными.

— Галя, это тебе Никита рассказал?

— Какой еще Никита?! — замахала руками Галка. — Ты его, пожалуйста, не примешивай к этому делу! Вот дура я, что тебе рассказала.

— А ведь это Никита тебе рассказал. Думаю, он что-то знал об этом... Они же были друзьями. Никита знал и промолчал? Галка, чего ты так переполошилась? Я же никому ничего не скажу! Больше того, я считаю, что твой Никита — настоящий друг, раз не выдал Федора...

Она и сама не знала уже, что говорить. Но и прекращать разговор на эту тему было нельзя. Она должна была вытрясти из Галки как можно больше информации. Галка — болтушка, ей вообще нельзя

доверять тайны. Вот и сейчас она наверняка выболтала то, о чем ей рассказал в порыве откровенности Никита.

— Послушай, а может, ты ошиблась, и тебе рассказали не о нашем Федоре? Ты же сама понимаешь, что твой рассказ ну никак не вяжется с его личностью, характером! Что могло произойти в его жизни, чтобы он поднял руку на человека, тем более на мальчишку?! Ты ошиблась!

— Да ничего я не ошиблась! — рассердилась Галка. — Это произошло на даче Арнаутовых... Давно, как раз лет пять тому назад. Есть один человек, который видел, как Федор убил этого пацана, а потом зарыл где-то в лесу.

— Но этот человек, выходит, тоже был на этой даче, а раз он был там, значит, он из их компании... Галя, послушай... Ты была там? Может, это ты все видела?

— Маша, с тобой трудно... Никого там не было, забудь... Сдался тебе этот Федор! Лучше держи язык за зубами. Я же тебе просто так сказала, про всех наших говорила, ну и Федора вспомнила!

— Галка... Не знаю, как тебе сказать... Я же адвокат, часто сталкиваюсь с тем, как люди оговаривают своих друзей, родственников, соседей, врут прямо в глаза, лжесвидетельствуют...

— Ты поэтому так переполошилась? Зацепили твою адвокатскую душу?

— Ну, да! — вздохнула с облегчением Маша, поблагодарив в душе Галку за подсказку и немного успокоившись, что своими вопросами и явным интересом к истории о Федоре она не успела выдать себя и не проговорила, что собирается вы-

ходить замуж как раз за этого Федора. Хотя ее так и подмывало признаться в этом. Но кто знает, как поведет себя Галка, когда узнает об этом, может, закроет рот и вообще ничего не расскажет! — Меня это как адвоката, как юриста просто бесит... Кто-то чего-то там услышал, придумал и добавил от себя, и вот уже невинный человек обвиняется в тяжком преступлении! Думаю, что Федор ни в чем не виноват. Просто ты услышала звон и не знаешь, откуда он...

Галка вдруг внимательно посмотрела на Машу, и от этого пронизательного взгляда, от которого повеяло несчастьем, бедой, Маше стало не по себе.

— Тебя не было там, ты с родителями куда-то уехала... Мы все собрались у Арнаутова на даче. Там так хорошо было, весело... — Она понизила голос до шепота. — Короче, мы все перепились тогда. Уж не знаю, откуда столько алкоголя взялось. Начали с шампанского, потом пили вино, виски, а под конец и вовсе водяру! Спали все вповалку, кто где уснул... Ты же помнишь этот дом, там много места... Кстати говоря, тогда Алиска и переспала с Андреем. Она же раньше встречалась с Федором, но потом они расстались. Мы ее еще осуждали тогда, мол, бросила хорошего парня, погналась за деньгами... Ты помнишь эту историю?

— Конечно. Помню, — покраснела Маша, раздосадованная тем, что ей напомнили о романе Федора с красавицей Алисой.

— Так вот. Никита проснулся раньше всех, думаю, ему в туалет надо было. Ну и увидел все это!

— Что — это?!

— Ну, как Федор прикончил какого-то чужого парня, мальчишку совсем...

— Как прикончил?

— Ну, я точно не знаю... Я не вдавалась в такие подробности. Думаю, что когда Никита заглянул туда, в ту комнату, где был Федор, все уже было кончено... Ни криков, ни стонов... Кровищи кругом — жуть! Он завернул труп в простынку, и она сразу стала красной от крови. Потом потащил его к выходу... Отволол в лес, ну и закопал! Да, он еще возвращался за лопатой!

— А Никита? Где он в это время был?

— Прятался за деревьями. Он тоже был в шоке, думал, что у него вообще глюки!

— И что потом?

— Потом он вымыл полы там, где убивал...

— Да чушь все это, Галка! Кто-нибудь, да заметил бы!

— В том-то и дело, что никто ничего не заметил. Все дрыхли!

— А что потом? Что тебе рассказал Никита?

— После того как Федор все вымыл, пришла какая-то женщина с молоком, Федор купил, Никита сказал, что будет печь блины. Федор сказал, что ему нездоровится, и уехал. Вот так все и было.

— Но это не могло не отразиться на их отношениях...

— Да какие отношения, если Федор чуть ли не в тот же день и уехал в Питер, к своему брату. Вместо того чтобы поступать дома, он же только что аттестат получил, школу закончил... Так вот, вместо этого он быстро собрался и уехал. И больше они с Никитой не виделись.

— И не перезванивались?

— Понимаешь, Никита должен был вести себя естественно, ну, как будто он ничего не видел, не знает. Поэтому он зашел как-то к родителям Федора, спросил, почему Федор вдруг уехал, те только пожали плечами. Он спросил, почему телефон Федора молчит, и родители сказали, что он потерял свой телефон на какой-то даче... Вранье все это! Он просто его выбросил, чтобы ни с кем не общаться. Конечно, родители ничего не заподозрили, подумаешь, телефон потерял. Ну и дали Никите его новый номер. Никита позвонил Федору, тот сказал, что он в Питере, сдает экзамены в ветеринарную академию, что сильно волнуется, что ему очень хочется остаться жить в этом городе... Что, если повезет, то ему дадут комнату в общежитии. Короче, он тоже вел себя как бы естественно, нормально. Они потом еще несколько раз разговаривали по телефону, Федор сам звонил Никите, спрашивал о чем-то, думаю, что просто не хотел вот так резко разрывать отношения. Ну а потом все как-то заглохло... Каждый уже жил своей жизнью.

— А с другими он тоже не общался? Ведь он же был такой общительный, веселый, как ты говоришь...

— Да, звонил кому-то из наших, рассказал, что поступил, что живет теперь в Питере, общежитие не дали, он живет у брата, помогает ему в его бизнесе... Маша? — Галка вдруг увидела большую красивую коробку. — А это что у тебя? С самого утра шопинг?

— Говорю же, замуж выхожу, — сказала Маша и почувствовала, как глаза ее наполняются слезами.

— И за кого?

— За одного хорошего парня.

— Поздравляю!!! И сидит, молчит!!! Ну, давай рассказывай!! — И Галка весело похлопала подругу по плечу.

3. Оля. 2009 г.

Оля допила кофе с молоком, вымыла чашку, вытерла и поставила ее в буфет. Полюбовалась красивым, в розочках, сервизом за его прозрачными дверцами, окинула довольным взглядом вычищенную кухонную мебель, промытые окна, белые занавески на окнах, белые полотняные подушечки на стульях и осталась довольна. Все-таки она сделала это. Смогла! Приехала в Москву, нашла работу и поселилась не где-нибудь в Выхино, а на Тверской улице, в самом сердце Москвы! И работа спокойная, никто тебя не донимает, никто не пристает, прибираешься в квартире, варишь борщ, печешь пирожки, гладишь рубашки, а тебе и денежка идет, и комнатку тебе отвели отдельную, с удобной кроватью и необходимой мебелью, и в ванне можешь плескаться, сколько душа пожелает, и хоть весь день гуляй себе по Москве, главное, чтобы к возвращению Михаила Иосифовича было прибрано, ужин готов, чаек с травками заварен, полотенца подогреты в ванной комнате, постель чистая, разобранная ко сну. И чтобы в доме было тихо. Все!

Место домработницы Ольга получила случайно, как это часто бывает в больших городах. Пришла по объявлению в один дом, там никто не открыл,

и женщина-почтальон, родственница соседки Михаила Иосифовича Левкина, ученого-физика, сжалившись над ней, подсказала, где освободилось подобное место.

— Ну что ты стоишь здесь! — шепнула она Ольге, стоявшей в растерянности перед дверью на первом этаже высотного дома, где ей была обещана работа. — В домработницы пришла наниматься?

Было холодно, Ольга в осенней куртке и вязаной шапке отогревалась возле батареи, собиралась с духом, чтобы выйти из подъезда в ноябрьскую стужу и ветер. Почтальонша, высокая худая баба с простым добродушным лицом, одетая в сиреневый пуховик и большой белый берет, проворно рассовывала по почтовым ящикам газеты, журналы и рекламные проспекты. Пахло бумагой и свежей типографской краской.

— Да, только никто не открывает. Сказали приехать к девяти. Я даже раньше пришла, уже никого не застала.

— И не застанешь. Хозяева во Владивосток к сыну уехали, дите там народилось, внук. Квартира пустует, эти мерзавцы, что людей грабят и обманывают, дают этот адрес кому ни попадя: вроде как квартиру здесь сдают, так они задаток себе берут, или работу тебе предлагают, рублей пятьсот, а то и всю тыщу слупят с бедолаги-безработного, вот как ты, люди приходят, а квартира-то пустая! Вот и ты так же. Тебя как зовут?

— Ольга.

— Ты откуда приехала-то?

— Из глубинки... Из провинции, — ответила Ольга, чувствуя себя неловко от того, что не может

спокойно, без всякой задней мысли ответить женщине. Что страх слишком глубоко сидит в ней, не дает расслабиться ни днем, ни ночью.

— Ну, не хочешь говорить, не надо! — несколько не обиделась женщина. — Я же понимаю, сюда к нам приезжают не от хорошей жизни. Работы хорошей нигде нет, а в провинции и подавно. Ты готовить умеешь?

— Конечно!

— А чистить, мыть, убирать?

— Да.

— Аккуратная?

— Ну да...

— Думаю, что помогу тебе с работой. У меня сестра живет с мужем на Тверской улице, в самом центре. Повезло Лидке, вышла замуж за профессора. Ну да ладно, не о ней речь. Сосед у нее, физик, очень хороший порядочный мужчина. Жениться не успел, все формулы свои писал-рисовал, опыты какие-то ставил. Но голова — золотая. Все какие-то гранты выигрывает, мне Лидка рассказывала. Очень она его уважает. Так вот. У него женщина одна жила, не жена, нет, не подумай чего, просто готовила ему, полы мыла, стирала. Замуж она вышла. Встретился ей человек, познакомились в метро, ее Полиной зовут. Месяца не прошло, как она пришла к Левкину, так, мол, и так, Михаил Иосифович, ухожу я от вас, в Люблино буду теперь жить, замуж выхожу. А сама плачет! Может, себя жалеет, что потеряла такое место, новый-то ее муж, бизнесмен, поставил условие, чтобы она нигде не работала, чтобы детей рожала. А может, его пожалела, что оставляет без присмотра.

Он очень беспомощный. Если его не покормить, так и будет голодный сидеть за своим ноутбуком. Лидка, добрая душа, уже ищет ей замену, Полина еще вчера собрала вещички и переехала в Люблино, поэтому ты, девушка, поторопись, принимай решение. Не пожалеешь, точно тебе говорю. Еще вспомнишь меня добрым словом!

— Так я согласна. А какие деньги платят?

— Хорошие, не бойсь. Говорю же, внакладе не будешь. Погоди-ка, я позвоню Лидке-то. Меня, кстати, Настей зовут, Анастасией Алексеевной. Так я звоню?

— Звоните!

— Алло? Лидок? Привет, это я... Ты Левкину своему еще никого не нашла?..

Вот так, с легкой руки почтальонши Насти, сестра которой (живя по соседству и будучи замужем за коллегой Левкина по университету) долгие годы опекала талантливого физика, Оля и получила это место.

Уже через неделю работы у Левкина, понимая, как же крупно ей повезло с работой и как славно все устроилось, благодаря отзывчивой почтальонше, она решила отблагодарить женщину, разыскала ее с помощью Лидии Алексеевны, приехала к ней в гости с пирогами и скромным серебряным колечком, купленным на первые заработанные деньги. Так они стали подругами, и Настя стала единственным близким человеком, с которым можно было отвести душу за разговором, выплакать свою боль, посоветоваться, обратиться за помощью. Однако даже ей,

как Оле тогда казалось, она никогда бы не рассказала то, что отравляло ее жизнь, что мешало жить так, как живут все нормальные люди, и что ни на минуту не позволяло расслабиться и забыть прошлое.

— Знаешь, иногда бабы любят позубоскалить, наговорить лишнего о том человеке, который работал на твоём месте до тебя, о предшественнице, понимаешь? Но вот ничего не могу сказать плохого о вашей Полине, — сказала как-то Ольга Насте.

Они гуляли в Сокольниках, ели мороженое. У Ольги был выходной.

— Полина, она была хорошая. Может, простоватая, без фантазии, но честная и трудолюбивая. Лида моя за ней присматривала, особенно первое время. Она же взяла ее с улицы, Поля ушла из дома, ее муж избил. Лида очень переживала, что привела к Левкину незнакомого человека. А вдруг украдет чего? Но потом успокоилась. Конечно, наводила о ней справки, выяснила, что Поля рассказала ей чистую правду. Да я и с тобой рисковала, ничего же о тебе не знала!

— А чего сама не пошла работать к нему?

— Хороший вопрос. Ну, во-первых, я люблю свободу. У меня своя квартира, сбережения кое-как имеются, да и Лида, добрая душа, мне помогает. Вечно с полными сумками ко мне приезжает. Деньжат подкидывает. А в прошлом году так и вообще шубу мне мутоновую подарила. А во-вторых, мужчина у меня есть. Володя. Он, правда, женат, у него дети, и вряд ли он когда-нибудь разведется, но у нас любовь. У Левкина жить надо, работать вроде как круглосуточно, как бы я с Володей встречалась? А так... Сама понимаешь... А тебе в твоём тепереш-

нем положении, когда у тебя пока нет своего дома, такая работа в самый раз!

— А что Левкин? Почему он один?

— Так робкий. Физик, одним словом. Или, как сейчас говорят, «ботаник». Его брать нужно. Полина в этом плане тоже такая же, как и он, никогда мужика в нем не видела. А ты будь поумнее, вдруг у вас с ним чего получится? Не теряйся, девочка! Смотри, скамейка свободная, посидим, покурим?

Левкин, сорокапятилетний, хорошо сложенный, но совсем не спортивный мужчина с мягкими русыми волосами, карими глазами и по-детски неловкими, порывистыми движениями, жил в каком-то своем мире. Ольга предполагала, что его голова никогда не отдыхала, что мозг его работал даже во сне, потому что не один раз, просыпаясь ночью от звуков, видела его сидящим за письменным столом и щелкающим пальцами по клавиатуре компьютера. О чем он думал, наверное, знали только его студенты да коллеги по работе. Помимо преподавательской деятельности он занимался наукой, часто задерживался в своей лаборатории, вечно что-то записывал на маленьких листочках, вел бесконечные телефонные разговоры со своими коллегами на тарбарском, непонятном Оле, языке. И вот за все это, за его увлеченность, ум, детскую непосредственность и щедрость, благодарные улыбки за вкусный обед или за купленный по ее женской инициативе сервиз в розочках (который он заметил!!!), за чистоту и порядок во всей квартире и за многое-много другое, чем окружили его заботливые женские руки, Оля его и полюбила. Всем сердцем.

Да, безусловно, он был богат. Но сколько состоятельных мужчин подвергают своих подчиненных, жен, любовниц и даже друзей унижению, связанному с материальным неравенством. К счастью, Левкин был не такой. Хотя и совершенным уж простачком, не считающим свои деньги, его тоже назвать было нельзя.

Он был умен, а потому мог параллельно своим физико-математическим головоломкам решать и не менее сложные (в особенности для мужчин) бытовые. С ним Оле было легко еще и потому, что у нее и мысли никогда не возникало надуть его в хозяйственных деньгах, положить, к примеру, в карман золотую зажигалку (подарок коллеги из Лондона), подкармливать за счет Левкина любовника, чем потихоньку занималась, как выяснилось, его первая домработница, предшественница Полины — Лиза из Львова.

Отношения Ольги и Левкина были настолько ясны, просты и прозрачны, что она и не заметила, как привязалась к нему и стала воспринимать его, как совсем не чужого ей человека. Это выражалось прежде всего в ее чувствах к Левкину. Здесь намешалось все: восхищение, жалость, уважение, благодарность и даже нежность.

Он как-то легко позволил ей обустроить свой дом, доверившись ее вкусу и знанию при покупке посуды, занавесок, ковров, постельного белья и разных необходимых в хозяйстве бытовых приборов. И Ольга, которая так и не успела в силу жизненных обстоятельств побывать невестой, женой, теперь с удовольствием играла в эту приятную для нее игру, получая от этого истинное наслаждение.

...Раздался звонок. Ольга бросилась открывать. Знала, что это вернулся Левкин. И как-то сразу успокоилась. Она всегда успокаивалась, когда он приходил домой. Пусть он работает в своем кабинете, пусть засиживается там допоздна, не важно, главное — он дома.

Распахнув дверь, Оля увидела букет красных роз. Розы были небольшие, бархатные и на вид твердые, аккуратные.

Их было так много, что хозяйственная Ольга, мысленно прикинув стоимость букета, даже ахнула, приложив ладонь к губам. За букетом и не видно было Левкина. Он шагнул вперед, как-то очень ловко зацепил ногой дверь, чтобы она захлопнулась за его спиной, протянул цветы Оле:

— Это вам, Оля.

— Мне? Спасибо... — Она приняла букет, поднесла к самому лицу. — Господи, какая красота!!!! Но... почему? Я не понимаю...

И тогда скромный Левкин, сжав кулаки и собравшись, подошел к ней совсем близко, так, что она почуяла запах его туалетной воды и успевший въестся в костюмную ткань слабый аромат цветущих на улице лип, и сказал:

— Я очень хочу, чтобы вы стали моей женой, Оля.

Сказал, закрыл глаза, словно в ожидании взрыва, как новобранец на войне, у него от напряжения даже плечи приподнялись.

— Оля? — Он открыл глаза и теперь стоял и смотрел на нее растерянно и даже испуганно, будто не совсем уверенный в том, что не перепутал женщину, не обознался. — Вы согласны?

4. Зоя. 2009 г.

Зоя Наумова, женщина тридцати лет, лежала на кровати под двумя одеялами и не слышала звонка. Между тем в дверь звонили долго, настойчиво.

— Зоя, открой!!! Открой! Я знаю, что ты дома!

Это была ее подруга, Катя, обеспокоенная тем, что Зоя не отвечает на звонки с самого вечера.

— Катя, сегодня решится наконец моя судьба, — сказала она ей позавчера.

Подруги работали в парикмахерском салоне, держались вместе, дружили, доверяли друг другу свои женские тайны, дружили, что называется, семьями.

У Кати был муж, Алик, старше ее на пятнадцать лет, очень приличный, работающий человек, которому она родила дочку. Единственной проблемой Кати был конфликт с хозяйкой салона, Маргаритой, стареющей и очень одинокой женщиной, которая зачастую несправедливо придиралась к ней и просто испытывала к ней, к благополучной, неприкрытое чувство неприязни. Катя давно бы уже ушла, если бы не знала, что Маргарита собирается продать салон из-за карточных долгов ее сына. Вот она и ждала момента, когда можно будет купить его, предусмотрительно оформив на мать, чтобы в документах не фигурировала фамилия самой Кати, которой Маргарита ни за что не продала бы свой салон.

У Зои жизнь тоже поначалу складывалась удачно, она вышла за талантливого художника-оформителя, красивого парня, который, правда, оказался бесплодным. Но была любовь, на многое закрыва-

лись глаза, хотелось оставаться счастливой, несмотря ни на что. Смирившись с тем, что у них никогда не будет детей, Зоя находила себе занятия по душе: разучивала латиноамериканские танцы, ходила на йогу, купила вязальную машину и вязала на ней свитера на заказ, коллекционировала бабочек, занималась своим здоровьем и даже выращивала на даче какие-то необыкновенные цветы. Муж, Стас, любил ее, был заботлив и нежен, часто дарил подарки, рисовал ее портреты, и так продолжалось бы и дальше, если бы ему не посчастливилось выкупить (взяв кредит) одно из самых крупных рекламных агентств в городе. И Стас «провалился в работу по самые уши», как любила повторять Зоя. Он дни и ночи стал проводить на работе, а позже, разобравшись, чего же он хочет от этой работы помимо денег, назначил директором своего друга, поручив ему работу с документами, а сам устроил на даче мастерскую, где с удовольствием выполнял самые интересные заказы. Вот так и случилось, что Зоя осталась жить в городской квартире, а Стас переселился на дачу в Абрамово. Поначалу Зоя скучала, плакала по ночам, не понимая, как можно было вот так бросить ее и даже не звонить ей сутками, ссылаясь на работу. Ей было обидно, она даже пыталась ревновать Стаса, приезжала к нему неожиданно ночью на дачу, предполагая, что он там не один, что у него появилась другая женщина, но всегда заставала одну и ту же картину: Стас в мастерской, или работает или спит, уставший и голодный, на кушетке. Вот такой оказался увлеченный человек.

— Катя, как же так? И не пьющий, не курящий, и не изменяет, и любит меня, а жизни нет... Я всегда

одна, всегда! Мы никуда не ходим вместе, нигде не бываем, забыла уже, когда с вами встречались, как раньше, помнишь? Пикники, шашлыки, какие-то поездки... Что делать? Я любви хочу, нежности... Забыла уже, какой он в постели. Даже когда приезжаю к нему, он, как ненормальный, сидит за столом или вообще на полу, вокруг рулоны бумаги, банки с красками, два ноутбука стоят, на экранах рисунки, буквы, фотографии... Он хороший рекламщик, увлеченный человек! Он как-то сказал мне, что ему звонили из Москвы, приглашают на собеседование, хотят с ним заключить контракт... И что тогда?

— А тогда он, если посулят хорошие деньги и условия, переедет в Москву, — проронила нечаянно Катя. — Но и ты с ним поезжай!

— Нет, Катя, никуда я с ним не поеду. Если уж здесь он не обращает на меня внимание, то там — и подавно. И что я там буду делать?

— Если денег будет много, то сама знаешь, будешь жить себе спокойно, сидеть дома, гулять по Москве, наслаждаться жизнью! Тебе не надо будет никому красить или завивать волосы, дышать этой химией... У тебя начнется совершенно другая жизнь. Будешь путешествовать. А Стас твой пусть сидит за своими рисунками...

Но Стас, хоть и заключил договор с московским рекламным агентством, никуда не уехал. Поставил условие, что останется работать на своей даче и будет отправлять им свои работы с проводником, поездом. А эскизы — по Интернету, как водится.

Первое время Зоя пыталась опекать мужа, приезжала к нему, готовила обеды, убиралась на даче,

но как-то раз она вместе с мусором выбросила какие-то нужные зарисовки, Стас наорал на нее, она обиделась и вернулась в город.

Проплакав целый вечер, она умылась, вышла прогуляться по городу, зашла в кафе, выпила в полном одиночестве мартини (чего с ней никогда в жизни не случилось!) и там же познакомилась с женщиной. Он тоже пил в одиночестве, но виски. Он подсел к ней, заговорил, и она, размякшая, несчастная в своей обиде, разрыдалась и рассказала ему о своей неудавшейся семейной жизни. Мужчина же, в свою очередь, признался, что он официально не женат, но жил с женщиной, большой любительницей Турции, и что она, будучи сама не бедная, несколько раз в году ездила в Стамбул, как потом выяснилось, к одному пожилому турку, за которого сейчас собирается замуж, уже даже чемоданы собрала. Мужчину звали Павел.

Утром Зоя проснулась в чужой квартире, в чужой постели, рядом с незнакомым мужчиной. Так начался ее роман с Павлом, который она тщательно скрывала от Стаса и который наполнил ее жизнь новыми красками, чувствами, впечатлениями.

— Знаешь, Катя, мне с ним так сладко. Понимаю, что обманываю Стаса, что нехорошо так с ним поступать, но ты не поверишь, сейчас, когда у меня есть Павел, я Стаса полюбила еще больше! Вот такая я странная! Я стала все успевать, и куда делась моя раздражительность? Я стала чаще бывать на даче, привожу Стасу полные сумки пирогов и котлет, мою полы, стираю... Стала веселой и какой-то, стыдно сказать, счастливой! Стас даже... Короче, мы с ним уже несколько раз переспали. Вот как все

это называется? Значит, когда я была ему верной, смотрела ему в рот и ждала от него любви, он как будто не замечал меня. А теперь, когда у меня любовник и когда я стала подлая, гадкая, грязная, да-да, именно так я и чувствую, мой Стас смотрит на меня другими глазами, словно только что прозрел! У тебя новая блузка, говорит, представляешь?! Или: у тебя глаза медового оттенка... А я смотрю на него и думаю: дурак ты, Стасик, целуешь меня, обнимаешь, а не знаешь, что твою жену всю ночь обнимал другой мужчина, который оставил свои следы везде, везде... Вот и пойми после этого мужчин?

Поначалу Зоя окунулась в новую для нее жизнь с азартом игрока, которому везет. Ей было весело и комфортно со своими двумя мужчинами. Она металась между городом и дачей, встречалась с мужем и любовником, обоих кормила, обо всех заботилась, и потом призналась Кате, что чувствует себя как-то странно, ее постоянно лихорадит, словно она никак не может успокоиться, что вся на нервах, что ее эта двойная жизнь уже напрягает, что ей хочется определенности, спокойствия, любви наконец.

С Павлом она встречалась в его квартире, хотя могла бы запросто привести любовника и к себе. Но страх, что в любую минуту домой может заявиться Стас, не позволял ей решиться на такое. Да и спать с Павлом в супружеской кровати она бы не смогла.

— Он бежит за мной, и мне это приятно, — говорила она Кате, и глаза ее при этом блестели каким-то нездоровым блеском, как у человека, который сомневается в том, что счастлив, но боится

признаться в этом даже себе. — Знаешь, я словно переела пирожных, и меня тошнит.

Катя посоветовала ей уже определиться, но только в том случае, если она уверена, что у них с Павлом все серьезно.

— Конечно, серьезно! Он очень любит меня, я это чувствую.

— Вы никогда не разговаривали с ним о будущем?

— Ну, почему же... Разговаривали. У Павла была когда-то семья, вернее, жена, детей нет. Я знаю, что он хочет детей. Но понимаешь... Он очень занятой человек, работает в мэрии, весь в делах, правда, зарабатывает неплохо...

— Кем именно он работает в мэрии?

— Кажется, одним из помощников мэра... Думаю, он выполняет какие-то его поручения, часто бывает в командировках.

— А ты наведи о нем справки. Открой Интернет, официальный сайт мэрии и поищи его среди помощников мэра.

— Ладно, я так и сделаю. Хотя, я же сама лично видела его вместе с мэром, как-то в городе, они пили кофе в кафе. О чем-то оживленно разговаривали. Я сначала не узнала Власова, хотела уже подойти к Павлу, но смотрю, к ним идет официантка, улыбается во весь рот, просто сияет, обращается к соседу Павла по имени-отчеству: Виктор Владимирович! И тогда я поняла, что это Власов, раньше же я его только на фотографии видела. Во время выборов в газетах...

— А что, если Павел — это твоя судьба? Возьми и забеременей! Стас-то твой не смог дать тебе детей,

а Павел, быть может, обрадуется такому известию. Или же, чтобы не рисковать, выдумай беременность, проверенный способ. Даже если у вас с ним ничего не получится, у тебя будет ребенок! Скажешь Стасу, что тебе сделали искусственное оплодотворение, и все дела! Но так ты, во всяком случае, сможешь проверить чувства Павла. Если он действительно любит тебя, то известие о твоей беременности обрадует его, тем более, как ты говоришь, у него нет своих детей.

Катя искренне желала ей добра, хотела, чтобы Зоя была счастлива.

Пока Зоя решалась на беременность — мнимую ли, настоящую, время шло, она стала привязываться к Павлу, стала больше времени проводить в его квартире, с особым удовольствием, свойственным влюбленным женщинам, желающим показать себя примерной хозяйкой, привела ее в порядок, вычистила ковры, даже купила новые занавески, кастрюльки, сковородки. Павел не возражал, чтобы она заняла полку в его шкафу, куда бы складывала свою одежду.

Однажды утром Зоя пришла на работу, и все заметили, что с ней что-то происходит. Она просто сияет от счастья. Разве что не напевает!

— Ну, что, подруга, я вижу, у тебя все хорошо? — спросила ее Катя в курилке. Работы было много, с трудом удалось выкроить пять минут для отдыха. Восемь человек ждали своей очереди

на стрижку, две женщины-инопланетянки с торчащими во все стороны упакованными в фольгу накрашенными прядями листали журналы и посмащивали на часы, сонная бабулька, решившаяся на химическую завивку, сидела в уголке с туго накрученными на деревянные палочки волосами и дышала с видом жертвы ядовитыми испарениями вылитого на голову щелочного раствора.

— Я сказала ему, что беременна! — Зоя сжала кулачки от будоражащей радости. — И он сказал, что это здорово! Что дети — это счастье!

— И что потом? Он сделал тебе предложение?

— Он... Нет, официального предложения не сделал, да и как он мог сделать, ведь это надо обдумать, к тому же он просто не был готов, нужно купить кольцо, обставить все как-то красиво, я так полагаю... Но ничего, я подожду!

— Что с твоими глазами?

— А что? Что с моими глазами?

— У тебя они розовые.

— Ночь не спала, честно говоря. Все представляла себе, как буду со Стасом говорить, как объясню ему, что выхожу замуж за другого. С одной стороны, все вроде как закономерно, тем более что Стас живет совершенно отдельной жизнью, творческой... Хотя я вполне допускаю мысль, что к нему захаживает соседка по даче... Женечка, молоденькая, смазливая, Стас говорил как-то, что она попросила его написать ее портрет, за деньги, разумеется. Стас хоть и оформитель, но рисует очень хорошо, особенно ему удаются портреты, карандашные зарисовки.

— Но ты же можешь и дальше жить с двумя мужчинами...

— А вдруг я все это себе придумала, и Павел меня не любит?

— Тогда просто останешься со Стасом! Будешь вспоминать свой роман, как приключение!

И тогда Зоя призналась, что влюбилась в Павла, что если раньше он, что называется, бегал за ней, то теперь — она.

— Я нахожусь в эмоциональной зависимости от него, — шептала она на ухо Кате, обдавая ее теплым дыханием с запахом табака и мятной жевательной резинки. — Постоянно думаю о нем, жду его звонка, чуть ли не подпрыгиваю, когда звонят в дверь, хотя точно знаю, что это не он. И если прежде он не казался мне красавцем, у него, знаешь, такое вытянутое лицо, большие уши и крупный нос, то теперь его лицо кажется мне мужественным, он нравится мне, я люблю его, и я не знаю, что мне теперь делать!

— Любовь — опасная штука, — зачем-то сказала Катя и удивилась тому, что проронила это неосознанно, словно кто-то внутри ее, очень опытный, высказал свое мнение, желая предупредить Зою.

— Да я и сама знаю, — отмахнулась с горечью Зоя. — Ладно, посмотрим. Главное я ему сказала. Ребенок — не шутка. Если любит, сделает предложение. Если нет — вернусь к Стасу, вообще поселюсь на даче, буду ухаживать за ним, потом признаюсь в беременности и рожу ребенка. Вот такой мой план.

«Катя, сегодня решится наконец моя судьба», —

сказала она ей позавчера. Весь вчерашний день Катя не решалась ее тревожить, понимая, что подруга занята устройством личной жизни, и ей явно не до нее. Но когда она не ответила ей на тридцать телефонных звонков, заволновалась и приехала к ней утром.

— Открой!

Позавчера, значит, решалась ее судьба. Может, уже и решилась, и она переехала к Павлу. А телефон не берет, потому что просто не хочет. Или же оставила в машине Павла. Или дома, когда в спешке собиралась к нему, укладывала свои вещи.

Однако, постояв несколько минут перед ее дверью, подумала, что Зоя — не такая, она никогда не оставила бы свой телефон где бы то ни было. Они с Катей были близкими людьми, а потому она все равно нашла бы способ позвонить ей и рассказать, как все прошло. Или же — с ней что-то случилось.

Вот поэтому Катя, стоя у Зои под дверью, разволновалась и сказала, что знает, что она дома. Что-бы, если она действительно дома, открыла.

...Зоя выползла из-под одеяла, набросила на себя халат, но тут же почувствовав сильное головокружение, снова села на постель.

Катя пришла. Милая и добрая Катя, как же она расстроится, когда узнает, что с ней произошло.

Она собралась с силами и доплелась до гостиной, увидела накрытый стол (жареная утка, фрукты, салаты, ваза с лилиями, запах которых сейчас вызывал дурноту), и слезы покатались по щекам.

Павел появился поздно ночью, какой-то странный, явно не в себе, с бледным лицом, прошел мимо нее, словно она — неодушевленный предмет, плеснул себе водки в рюмку, залпом выпил, потом еще и еще. Затем зашел в ванную комнату.

Она видела в приоткрытую дверь, как он снимает с себя рубашку, как зачем-то замывает ее. Сначала он намочил рукава, затем намылил мылом и прополоскал. Вода была розовая.

Он замывал кровь, в этом не было никаких сомнений! Она своими глазами видела красные пятна на манжетах.

Потом он, не замечая того, что дверь не плотно закрыта и что за ним могут наблюдать, надел на себя эту мокрую рубашку, сверху — пиджак, затем помочился (Зоя отвернулась) и вышел, чуть не ударив ее, находящуюся в каком-то ступоре, дверью.

— Слушай, в мокрой рубашке ходить неприятно... Вспотел, знаешь... Дай-ка мне какую-нибудь футболку или рубашку..

Он стянул с себя пиджак, сорвал рубашку и швырнул ее в приоткрытую дверь ванной комнаты.

— Не стирай, выброси или пусти на половую тряпку. Я ее в краске выпачкал.

— Да, конечно... — Она метнулась в спальню, достала из шкафа черную тенниску Стаса.

— Вот, держи.

— Ну и отлично! — Павел натянул на себя тенниску, сверху надел пиджак. — Совсем другое дело!

И направился к двери. Но по пути задержался возле нее и сказал, потрепав ее по щеке, как-то сильно, при этом грубо пощипывая:

— Если спросят, скажешь, что я был у тебя весь день, с часу дня до утра, поняла, зайка? Это важно. Ну все... Я тебе позвоню.

И ушел.

Она некоторое время простояла неподвижно в прихожей, затем зашла в ванную комнату и увидела, что раковина забрызгана розовыми каплями.

В унитазе — моча. Он даже не смыл ее водой.

Всю ночь она прорыдала, зарывшись с головой в постель. Утром приняла решение сделать аборт, и сделала бы, наверное, если бы нашла в себе силы доехать до больницы.

...Она распахнула дверь и бросилась к Кате:

— Катя, Катя! Как хорошо, что ты пришла!

Она схватила ее за руку, втащила в дом. Прижалась к ней, и Катя почувствовала, что она горит.

— У тебя температура, Зоя. Что случилось? Пойдем, ты мне все расскажешь.

Они остановились на пороге большой комнаты, Катя увидела накрытый стол и все поняла. Не пришел. Этот мерзавец, этот Павел обманул ее! Можно было уже ничего и не спрашивать, чтобы не причинять ей боль!

— Представляешь, я подогрела ему утку два раза... А он, он... Он пришел и...

— Так он был здесь? Был?

— Да, он был, пришел, сходил в туалет и ушел. Он даже не вспомнил о ребенке! Катя, ему нужно было алиби... Вот так. — И она разрыдалась.

5. Маша. 2014 г.

— Лиза? Как хорошо, что я тебя застала. Знаю, что у тебя суды, что вы с Глашей постоянно в разъездах, значит, мне просто повезло, что я застала хотя бы тебя. Но знай, что Глашу твою я люблю уже за то, что она есть... — Маша и Лиза обнялись.

Большая приемная адвокатской конторы напоминала скорее домашний уютный кабинет, но никак не общественное место.

— Послушай, — сказала с восхищением Маша, оглядываясь и осматривая комнату, — когда была в прошлый раз, ковров не было... Боже, какая роскошь! А полы, роскошный паркет... Девчонки, какие же вы молодцы! Так подняться! В городе вас считают самыми крутыми адвокатами... Вернее, Глаша еще не адвокат, но, думаю, она тебе здорово помогает.

— Глаша — моя правая рука, — улыбнулась Лиза. — К тому же она учится. Еще немного, и получит диплом. Ты права, она замечательная!

Елизавета Травина, высокая светловолосая молодая женщина в зеленых шелковых брючках и белой блузке, подошла, покачиваясь на высоких каблуках, к кофейной машине и включила ее. Раздался страшный шум, и приемная стала наполняться ароматом молотого кофе.

— Обожаю эту умную машину! — сказала Лиза. — И кофе сама мелет, и варит его... Кофе получается крепкий... А хочешь, я угощу тебя ромовой бабой? Глафира не может пройти мимо нашей кон-

дитерской, и меня вот подсадила на разные бабы, эклеры...

— Можно... — вздохнула Маша, и невеселые мысли, ставшие причиной ее визита к подруге, накатили, захлестнули, она едва сдержалась, чтобы сразу не расплакаться.

Лиза взглянула на нее с сочувствием:

— Знаешь, по твоему лицу сразу все видно. Жаль, что ты не нашла времени зайти ко мне просто так, без причины, чтобы мы с тобой кофейку выпили, поболтали о нашем, о женском... Проблемы с клиентом? Сильно давят? Или деньги просят вернуть?

Маша не обиделась на нее за эти вопросы, понимая, что Лиза предположила самую распространенную среди молодых адвокатов проблему, связанную со сложными клиентами, и просто искренне хотела помочь.

— Нет-нет, с этим, слава богу, все в порядке.

— Неужели с Федором поссорилась? В это я уж точно никогда не поверю. Я знаю твоего Федю, он классный парень и не способен сделать тебе больно. Уф... Что-то я, по-моему, много говорю. И это вместо того, чтобы выслушать тебя, Машенька. Садись вот в это кресло, оно волшебное, всем помогает, и рассказывай!

— Лиза, я случайно узнала от своей знакомой, что Федор убил человека.

И Маша, закрыв ладонями лицо, не выдержала и расплакалась.

— Да подожди ты плакать-то! Где сейчас Федор?

— На работе. Я ему звонила, просто хотелось его голос услышать... Попросила его купить хлеб. — Она тяжело вздохнула.

— Ошибки быть не может?

И Маша принялась рассказывать.

— Насколько я поняла, твоей подруге, Гале, рассказал эту историю ее муж, Никита, считавшийся другом твоего Федора, так?

— Полагаю, что так.

— Поэтому, собственно говоря, Федор вышел сухим из воды, то есть Никита промолчал, никому ничего не рассказал и позволил другу благополучно уехать в Петербург. Ты хочешь выяснить, правда это или нет, да? Ведь тебе далеко не безразлично, за кого выходить замуж. А если предположить, что это все вранье, от начала и до конца? Ты не представляешь себе, какие истории выдумывают люди, чтобы что-то скрыть или кого-то опорочить. Ты что-нибудь знаешь об отношениях Федора с Никитой? Может, у них был конфликт, может, наоборот, Никита совершил преступление и решил свалить все на Федора? Ты хорошо Никиту знаешь?

— Да нет, почти не знаю.

— Что это за дом такой, где было совершено преступление, убийство, и никто, кроме Никиты ничего не заметил?

— Этот дом принадлежит семье Арнаутовых, состоятельные люди, очень приличные, да и сын их, Андрей, тоже хороший парень. У него собирались студенты, целая компания, все веселились, отдыхали, но никогда ничего такого, в смысле, пошлости, не было... Все ребята были порядочные, нормаль-